

Двое из ларца... для бывшего

Автор:

Мила Гейбатова

Двое из ларца... для бывшего

Мила Гейбатова

– Света! Костя! – беспомощно кричу. – Вы не видели мальчика и девочку примерно такого роста. Они похожи, как две капли воды, двойняшки. Но прохожие лишь качают головами и возвращаются к своим детям. Бегу дальше по скверу и, наконец, вижу своих сорванцов.

– Вот вы где! Нельзя убегать, мы же договаривались! – подлетаю к детям, ловлю их и целую по очереди в макушку.

– Марина? – доносится сбоку. Поднимаю глаза, а там он... Отец моих кровиночек, с которым мы ни в коем случае не должны были встретиться. Он был моей первой любовью. Мы мечтали пожениться и сбежать ото всех. А в итоге я сбежала одна. Беременная и преданная...

Мила Гейбатова

Двое из ларца... для бывшего

Глава 1

Шесть лет назад

Несусь домой абсолютно счастливая. Диплом защищен на отлично, и причина моего недомогания найдена! Конечно, странно, что плохо мне было так долго, ведь судя по анализу крови срок совсем крохотный.

Но да ладно, главное, Марк обрадуется. Я надеюсь. Ведь мы не обсуждали беременность, но оба понимали, что она может наступить. И теперь-то мы точно уедем в другой город, сбежим еще дальше, как планировали.

Тихой мышкой захожу в дом родителей Марка. Мы съехали отсюда с месяц назад, но до сих пор не забрали все наши вещи. Мне всегда было неуютно здесь, но Марк настаивал, надеялся, что его родители свыкнутся с выбором сына. Но чуда не произошло.

Днем никого не должно быть дома, но я все равно крадусь на цыпочках в нашу бывшую комнату. Заберу оставшееся, оставлю ключи на столе и больше не переступлю порог этого дома.

– Мариночка, здравствуй, – позади раздается голос человека, которого я хотела бы никогда больше не видеть.

– Э, Владислав Германович, день добрый, – киваю. – А я за вещами пришла, хотела забрать оставшееся и ключи вернуть.

– Конечно, милая, это твое право, – мужчина приторно улыбается. – Ты иди, а я пока чаю нам налью.

Хочу отказаться, моя интуиция истошно вопит, чтобы я этого не делала, но я, конечно, соглашаюсь. Марк будет счастлив, если мы с его отцом сумеем создать видимость мира.

Быстро кидаю вещи в рюкзак и спускаюсь в столовую. Мои будущие свекры – люди состоятельные. Это основная причина, по которой я им не угодила. Выскочка без роду и племени, с первого курса предоставленная самой себе и полагающаяся только на свои силы.

– Забрала, спасибо, – произношу, беря кружку из рук Владислава Германовича.

– Отлично, – он снова приторно улыбается, помешивая свой чай. – Ты сегодня диплом защитила, да?

– Ага, на отлично, – киваю.

– Умница. Всегда знал, что мозги у тебя есть. Да ты пей!

Хочу возразить, ведь он раньше называл меня пустоголовой профурсеткой, охмурившей его сына, но почему-то повинуюсь приказу и делаю глоток. Напиток обжигает и слишком сладкий для меня. Но я молчу, не хочу оскорблять мужчину, который чуть ли не впервые пытается вести себя со мной по-человечески.

– А как ваши дела? Как поживает Роза Витальевна? – решаю поддержать светский разговор.

Будущая свекровь в отличие от свекра не кидалась оскорблениями, в основном сохраняла нейтралитет, иногда проявляя участие. Например, озаботилась подарком на мой день рождения. Помогла мне преобразиться в ее салоне красоты, а потом безвозмездно обновила мой гардероб.

Возможно, Роза Витальевна делала это из корыстных побуждений, так как ей было стыдно за меня, но она ни разу не сказала ничего дурного в мой адрес. И за это я была ей благодарна.

– Все хорошо, Мариночка, все хорошо, – отвечает Владислав. – Да ты пей, после диплома устала, поди.

Снова делаю машинальный глоток и чувствую горечь на языке. Странный чай.

– Спасибо, но я, наверное, пойду, – пытаюсь поставить кружку и выйти. – Марка хочу обрадовать. Загляну к нему в офис.

– О, он еще не знает, ясно, – произносит Владислав, едва поджав губы при упоминании места работы его сына. Ведь он хотел для него другого, чтобы наследник был в корпорации отца. – Собираешься сделать ему сюрприз, хорошая затея. Лучше расскажи, о чем был твой диплом, интересно ведь.

Делаю круглые глаза. Ему точно никогда не была интересна моя жизнь. Но тут на столе вибрирует телефон Владислава, сообщая о полученном сообщении. Он быстро просматривает его, а потом заговаривает.

- Что ж, ладно, раз спешишь, не буду задерживать, - меняет он вдруг курс.

Я же, ничего не понимая, ставлю кружку на стол и прощаюсь.

В маршрутке у меня начинает ужасно болеть голова, перед глазами появляются черные мушки, а к горлу подступает тошнота. Буквально вываливаюсь из переполненного автобуса на воздух и жадно дышу, широко открыв рот.

Немного легчает, и я шагаю в сторону офиса Марка. Там в холле есть кулер с холодной водой, мне обязательно полегчает.

Но вода не помогает, и я обреченно подхожу к кабинету любимого. Дверь в него приоткрыта, и я почему-то не захожу сразу, а смотрю в образовавшуюся щель и слушаю чужой разговор.

- Марк, сколько еще ты будешь вместе с этой своей заучкой?! Ты хоть понимаешь, что разбиваешь сердца своих родителей! - эмоционально восклицает красивая брюнетка в свободном платье.

- Жанна, если тебя прислали в качестве переговорщика, то зря стараешься, - холодно отвечает Марк, почему-то стоя совсем рядом с девушкой.

- Я скучаю по тебе, - она проводит рукой по его лицу, - невозможно скучаю.

Я ахаю, едва успевая закрыть рот ладонью.

- Давай не будем, Жанна, - Марк аккуратно убирает руку девушки, - мы с тобой прекрасные друзья и любовники, но Марину я люблю, а к тебе я никогда не испытывал подобных чувств.

- Понимаю, Марк, - брюнетка тяжело вздыхает, как будто собирается с мыслями, - но есть кое-что, что ты должен узнать, - она берет ладонь Марка и кладет себе на живот, - я беременна.

В ужасе отшатываюсь назад. Мне хватает секундного замешательства любимого, мелькнувшей в его глазах радости и размера живота Жанны, чтобы сложить два и два.

Глава 2

Разворачиваюсь на пятках и шагаю обратно к выходу. Кто-то из сотрудниц Марка мне что-то говорит, я не понимаю, не слышу их. Да и какая разница. Мое сознание поглотила только что увиденная картинка.

– Девушка, с вами все хорошо? Может, присядете, воды принести? – слова охранника на выходе просачиваются–таки в мой мозг.

– Что? Вы мне? – верчу головой.

– Вам, вам, – произносит обеспокоенный мужчина.

Вспоминаю свое намерение попить воду в офисе Марка, но кулер остался позади.

– Знаете, не надо, спасибо. Странно, но мне вдруг стало хорошо, – отвечаю охраннику и выхожу на улицу.

Я не лгу, самочувствие действительно резко наладилось. Физическое. Душевное, наоборот, рухнуло в пятки.

Иду куда-то, не разбирая дороги, и все думаю, думаю, думаю. Вернее, воспроизвожу на повторе только что увиденную сцену. Аналитический ум отказывается выдавать конструктивную критику. Эмоции велят рыдать в голос, а интуиция просит разобраться. Не хочет верить в неотвратимость увиденного. Глупая.

Неправильная у меня интуиция, наивная и повернутая в сторону Марка, не иначе.

- Марина? Не пошла с группой праздновать, чтобы погулять в одиночестве по парку? Понимаю, сам такой.

Поднимаю глаза и в растерянности оглядываюсь. Действительно, ноги привели меня в сквер, а не двор дома, где мы с Марком снимаем квартиру.

И только после осознания местоположения перевожу взгляд на заговорившего со мной человека.

- Дима? Привет, - узнаю одноклассника. - Какими судьбами?

- Марина, вообще-то это городской парк, не твой личный, здесь могут гулять все, - отвечает он шутливо.

- Твоя правда, - киваю. - Ладно, извини, ты наслаждайся прогулкой, а я пойду, настроение что-то не очень.

- Тогда я просто обязан, как настоящий рыцарь, сопровождать прекрасную деву в ее безмолвных страданиях! - заявляет высокопарно Дима.

Смотрю на него, как на дурака. Только глупых шуток мне сейчас не хватает.

- Хочешь, можешь не молчать, можешь рассказать о своих страданиях, я послушаю, - ничуть не смущается он.

Я лишь качаю головой и бреду дальше, опустив голову. А Дима увязывается за мной.

Удивительно, но ему удается вырвать меня из бестолкового просмотра увиденной сцены в кабинете Марка. Постепенно я втягиваюсь в ничего не значащую болтовню, а затем и вовсе обнаруживаю себя сидящей на лавочке с сахарной ватой в руке.

- Спасибо, я, кажется, голодная, - смотрю на сладкое облачко на палочке.

- Вы, девчонки, вечно худеете, а потом обмороки, - заявляет Дима со знанием дела.

- Ага, обмороки, - глухо повторяю.

Через время вата съедена, и разговор совсем перестает клеиться. Я снова ухожу в себя.

- У тебя тут чуть-чуть осталось, - Дима вдруг наклоняется близко-близко ко мне и проводит пальцем по уголку моего рта.

- Спасибо, конечно, но я и сама могу, - отшатываюсь на спинку лавочки. Мне неприятна чужая близость. - Я, пожалуй, пойду. Спасибо за компанию. Да и ты тоже наверняка спешишь.

Пытаюсь встать, но сильные руки парня не дают этого сделать.

- Ничуть, - он качает головой, - я уже там, где должен быть.

И внезапно его губы накрывают мои. От удивления не сразу начинаю вырываться, несколько долгих секунд сижу шокированная в объятиях Димы.

- Д-да, ты в своем уме?! - возвращаю контроль над собой и с силой отталкиваю парня, вскакивая на ноги. - С чего вообще? Никаких намеков не было! Я вообще беременная от другого к твоим сведениям!

- Seriously? Беременная? Ничего себе, а мне не сказали, - бормочет Дима.

- Почему тебе кто-то должен был сказать?! Ай, ладно, ну тебя, - машу на него рукой и убегаю теперь уже точно домой.

Странную реакцию Димы списываю на его личную неадекватность, которую я попросту раньше не замечала. Все-таки мы впервые общались с ним наедине.

Квартира встречает меня тишиной. Захлопываю дверь и вздрагиваю от громкого звука. Марка еще нет, рано слишком. И я медленно прохожу внутрь.

Рассеянно провожу рукой по рамкам с нашими совместными фотографиями и осознаю, что все было ложью. И только сейчас по моей щеке медленно стекает одинокая слеза.

Яростно вытираю ее и иду пить чай. Нам с Марком предстоит долгий разговор, и я должна к нему морально подготовиться.

Проходит пару часов, и я практически успокаиваюсь, почти убеждаю себя, что в жизни порой случаются недоразумения, и, возможно, это одно из них приключилось с нами. В конце концов, я всегда была за правду и справедливость, а потому не собираюсь молча уходить в сиреневый закат. Дождусь Марка, прижму к стенке, и мы вместе решим, как быть дальше. Решим, как цивилизованные люди, а не как классические герои любовных романов.

Но мне не приходится долго ждать, он звонит, как раз в тот момент, когда я прихожу сама с собой к согласию.

– Алло, – отвечаю, затаив дыхание, и на подсознательном уровне сразу понимаю, что он знает, что я знаю.

– Привет, Марина, – произносит он тяжело. – Поздравляю с защитой диплома. Я с отцом виделся, он мне многое рассказал и показал.

– О, здорово, – киваю, забыв, что он меня не видит, – и спасибо.

– Я сегодня переночую у родителей. Нужно подумать, – произносит отрывисто Марк. – Я все знаю.

– Вообще-то, это я все знаю, – поправляю Марка. Еще у одного проблемы с речью сегодня. – И ты не находишь, что нам нужно поговорить?! Спустишь все вот так, убегая к родителям, от влияния которых мечтал избавиться?!

– Не надо о моих родителях! – произносит Марк зло, чем сильнее удивляет меня. – Марина, – он делает глубокий вдох, – нам лучше не видеться ближайшее время, а не то я за себя не ручаюсь. Ты живи спокойно, квартира оплачено на месяц вперед. Я как-нибудь заскочу, забрать вещи.

– Совсем оборзел? – произношу в шоке. – Ты решил поступить как трусливая задница? Молча сбежать?

– Все, Марин, мне слишком тяжело сейчас.

– То есть ее ребенок важнее моего?! – кричу в телефон в истерике, но меня уже никто не слышит. – Отключился, – произношу сама себе, – он просто отключился и вычеркнул меня из жизни, оставив напоследок подачку в виде платы за квартиру.

Швыряю кружку в стену и оседаю на пол, давась рыданиями...

Глава 3

После продолжительной истерики я попросту засыпаю до следующего полудня. Давно не вставала так поздно, всегда были какие-то дела.

Бреду понуро на кухню. Один взгляд на устроенный вчера погром, и воспоминания заново накрывают меня, заставляя опереться руками о стол и сделать несколько глубоких вдохов. Нет, так нельзя продолжать.

Завариваю себе кашу и какао, нужно постараться поесть. Усилием воли отправляю ложку себе в рот, подавляя желание выплюнуть еду. Глотаю и перевожу дух. Пью и слегка хлопаю себя по щекам.

Истеричность и излишняя драматичность мне не свойственны, нужно заканчивать с таким неконструктивным поведением. Я теперь не одна, и должна отвечать не только за себя. Справилась, когда осталась без родных, и тут справлюсь.

Но спускать поведение Марка на тормозах я не собираюсь. Нам жить в одном городе, и я не собираюсь прятаться от его дамы сердца и от него самого. Он обязан моей крошке ровно столько же, как и чужой.

Немного воспрянув духом, доедаю и привожу себя в приличный вид. Уснула вчера в чем была, это никуда не годится. Хватаю рюкзак и собираюсь открывать дверь, но кто-то меня опережает, нажимает на звонок.

Глупое я создание, открываю, не глянув в глазок.

– Владислав Германович? Здравствуйте, – вспоминаю о вежливости в последний момент.

– Мариночка, приветствую, – кивает мужчина с улыбкой на губах. – Я зайду?

– Э, – мнусь, – я уходить собиралась.

Снова оставаться с этим мужчиной наедине совсем не хочется. Почему-то рядом с ним внутри меня просыпается безотчетный страх, очень неудобно становится.

– Я много времени не займу, – говорит отец Марка и нагло шагает внутрь квартиры, оттеснив меня плечом. – Проходи на кухню, – звучит приказ.

Да уж, приятный человек. Выдыхаю и иду вслед за ним.

– Чаю не предлагаю, без обид, – становлюсь в дверях кухни и упираю руки в бока, – и я спешу.

Владислав Германович бросает на меня цепкий взгляд, но никак не комментирует.

– Ладно, Марина, тогда сразу к делу, – он вытаскивает из кармана конверт, сложенный вдвое. – Это тебе от Марка. Отступные, так сказать. Ты – девушка умная, практичная, найдешь, куда их потратить.

Тут Владислав косится на мой живот. Тут же неосознанно прикрываю его руками. Он знает? Но это невозможно.

– На что вы намекаете? – спрашиваю осторожно.

- Только на то, что тебе стоит оставить моего сына и переехать.

- Это точно его решение? - подозрительно шурюсь. - Мы так толком и не поговорили вчера! Если от него беременна какая-то Жанна, это не значит, что можно выкинуть меня, как собачку, даже не поговорив! Я не верю, что Марк - инициатор этих денег, скорее вы! И я собираюсь поговорить с ним, - трясущейся рукой роюсь в рюкзаке в поисках телефона, но Владислав Германович перехватывает мою конечность.

- Послушай, девочка, -практически шипит он мне в лицо, - ты не нужна моему сыну, он счастлив с другой!Наконец у него невеста, соответствующая статусу нашей семьи. А ты не будь дурой, не усложняй жизнь ни себе, ни Марку, - видимо, мои мысли отражаются на лице, потому что он вдруг отпускает мою руку и начинает рыться в карманах. - Вот, смотри! Они вчера ходили на узи, у них все хорошо, не порть им жизнь, девочка.

С болью смотрю на счастливую пару.

- Н-но я, как же я. Я ведь тоже, - произношу, едва сдерживая слезы.

- Ничего, ничего, у тебя все наладится, - говорит участливо Владислав Германович, - ты еще встретишь своего единственного. Присядь, - он мягко толкает меня на диван и отходит к графину, - и выпей воды, - сует стакан, а я машинально делаю глоток.-Скоро жизнь заиграет новыми красками.

Глава 4

Владислав Германович уходит, а я все так и сижу в обнимку со стаканом. Кажется, он что-то еще говорил, прощался, рекомендовал воду выпить до конца, дверь за собой сам закрыл.

Я не реагировала. Возможно, только кивнула. От бывшего собранного настроения не осталось и следа.

Из ступора меня выводит сигнал телефона. Будильник. Напоминание о том, что нужно сдать институтские книги, но я с этим позавчера справилась, забыла с телефона убрать.

Нажимаю на мобильник, а потом с удивлением смотрю на стакан. Не сразу понимаю, откуда он у меня в руках. Передумываю допивать и выливаю. Что мне действительно нужно, так это умыться.

С наслаждением брызгаю холодной водой в лицо и шею, и постепенно приходит ясность сознания. Возвращаюсь на кухню и натываюсь взглядом на конверт, оставленный Владиславом. Сажусь рядом и гипнотизирую его, словно тот бомба медленного действия. Хотя кто знает эту семейку, у них всякое может быть.

Не знаю, сколько проходит времени, скорее всего я бы так и сидела, ничего не делая, лишь смотря на «подачку», но у меня начинает невыносимо тянуть живот. Иду в ванную и замечаю...

– Кровь! – шепчу в ужасе.

Ее совсем немного, но достаточно для паники.

И тут снова оживает телефон. На этот раз звонок.

– Алло, – отвечаю дрожащим голосом.

– Марин, ну я иду, ты дома? Мы приехали, но два дня я занималась мелкими, только сегодня оставила их на бабушек и могу наконец-то отдохнуть с тобой.

«Маша», – проносится в голове узнавание.

Моя лучшая и, пожалуй, единственная подруга. Мы росли в одном дворе и были практически, как сестры. Потом она вышла замуж и уехала в другой город. И вот, приехала, а у меня тут...

– Машенька, я, – не могу сдержать всхлипа, – я, наверное, не смогу.

– Что случилось? – сразу настораживается подруга.

– Ой, – выдыхаю, – много всего, – и понимаю, если продолжу, то банально разрыдаюсь в голос. – Может, я тебе попозже перезвоню? – с трудом выдавливаю из себя.

– Не стоит. Открывай дверь, лечить тебя будем. Я поднялась, – отвечает Маша с мрачной решимостью.

Дальнейшее происходит как в тумане. Мне становится хуже, но я уже не понимаю, то ли от боли душевной, то ли от физической. Маша не требует подробных рассказов, лишь задает несколько наводящих вопросов и вызывает врача.

Удивительно, но они приезжают. Я-то думала, что скорая нужна для тех, кто не в состоянии сам дойти, а у меня не столь тяжелый случай. По крайней мере я пытаюсь убедить себя в этом.

Врач забирает меня в больницу, Маша, к счастью, едет со мной. Мне кажется, я даже свое имя не в состоянии назвать сейчас. Такое ощущение, что внутренний заряд потух до нуля, и не к чему подключиться для перезарядки.

В больнице меня осматривают, что-то спрашивают, колют, а потом внезапно оставляют. Маша вроде не уходит, но и ко мне не подходит, разговаривает с кем-то.

Туман рассеивается вечером, как по щелчку. Мне гораздо лучше, но главная причина, по которой я прихожу в себя, это неожиданные слова врача.

– Если вы хотели прервать беременность, то стоило это делать под наблюдением врача, – говорит она укоризненно.

– В смысле? Я не хотела ничего прерывать, я только вчера поняла, что беременна.

– Тем не менее, милочка, в вас явно попало вещество, ее прерывающее. Правда, в небольшой концентрации. Решили, что и этого хватит? Или передумали в последний момент? – врач не верит. – На той неделе у меня была одна такая, сама себе выписала чудосредство. Там все закончилось не так хорошо, как у вас,

она добилась своего.

- Да не делала я ничего! - срываюсь на крик, чем заслуживаю еще один укоризненный взгляд. - Извините.

- Скажите, - вмешивается Маша, - сейчас ребёнку ничего не угрожает, или?

Вопрос виснет в воздухе, и я, затаив дыхание, жду ответа.

- Нет, не угрожает, - говорит доктор, поджав губы. - Но если она второй раз решит сотворить какую-то глупость, я уже не буду уверена.

- Спасибо вам, - тепло улыбается ей Маша, - огромное. Я присмотрю за Мариной. Вы ее еще поддержите ведь, да?

- Конечно! Мы должны помогать всем, независимо от их тараканов в голове, - произносит врач и выходит.

- Маша, я ничего не принимала! Она ненормальная! - говорю, едва закрывается дверь.

- Я верю тебе. Но давай ты расскажешь мне все по порядку, и мы вместе поймем, что случилось, - произносит подруга мягко, садится на стул рядом и берет мою руку. - Врачи тоже могут ошибаться. Может, ты выпила какое-то средство от, скажем, боли? Оно и повлияло как-то не так. Всякое случается.

- Я не, - начинаю и зависаю, - ой, - перед глазами возникает стакан воды, заботливо поданный мне отцом Марка. - Да нет, быть такого не может! Или может? У меня все могло произойти из-за банального стресса, да? Диплом, ситуация с Марком, вот и не выдержал организм! А врач почему-то решила, что бывшая студентка непременно собиралась избавиться от ребенка. Подумала, что я как ее предыдущая пациентка, но это ведь не так. Не мог он мне что-то подсыпать! Это же совсем за гранью!

- Тшш, - успокаивающе произносит Маша, - давай ты мне расскажешь все от печки. И начнешь со вчерашней защиты диплома, хорошо?

Глава 5

Отрешенно пересказываю Маше происшествия, и с каждым следующим словом мне становится страшнее. Ведь я чуть не потеряла свою кровиночку, о которой втайне мечтала с момента собственного совершеннолетия. Осознание произошедшего расцветает в моей голове, пока я рассказываю Маше полную предысторию.

– Подожди, твой Марк так и сказал, друзья и любовники? – перебивает меня подруга.

– Да, именно так, – киваю.

– Слушай, но я видела вас по видеосвязи, когда ты звонила, влюбленный взгляд невозможно подделать, я уверена. А он так трепетно смотрел на тебя, словно ты фарфоровая статуэтка, которую нужно оберегать, как высшую ценность, – не верит Маша.

– Я прекрасно помню, что он сказал! – раздражаюсь. – Я знаю, ты считаешь, что я перенервничала и так далее, но на тот момент я еще не нервничала!

– Хорошо-хорошо, успокойся, пожалуйста, – Маша поднимает руки в примирительном жесте, – а то меня выгонят из палаты, и будешь тут одна куковать. И я верю тебе, честно! Просто по собственному опыту знаю, что не всегда сказанное стоит воспринимать однозначно.

– Да тут явно нет никакого другого смысла.

– Ладно, а живот у девицы большой?

– Для меня большой, – продолжаю раздражаться, – точно не могу сказать, какой месяц, если ты об этом. Если сама дойду до ее этапа беременности, скажу!

– Тшш, милая, конечно, дойдешь, – Маша успокаивающе гладит меня по голове, – по-другому быть не может. Я всего лишь пытаюсь разобраться. Считай, что чутье подсказывает, что в моменте с Марком не все так однозначно, как видится. У них с Жанной все могло быть и до тебя. Он сказал, они хорошие друзья, а дружить можно с детства. Ты же с ним не так долго, хотя вы практически сразу съехались.

– Только потому, что полусумасшедшая старушка, у которой я снимала комнату, решила меня выгнать за три дня до конца оплаченного срока, – я краснею.

– Да, я помню ту историю, ты рассказывала. Она застала вас с Марком.

– Одетыми! – подчеркиваю.

Комплексы во мне процветают, до сих пор ужасно смущаюсь, вспоминая тот случай.

– Как скажешь, – соглашается Маша. – Это сейчас совсем неважно. Я к тому, что если бы у меня был друг, которого я знаю с детства, и мы бы с ним периодически спали, я бы тоже сказала, что мы прекрасные любовники в настоящем времени, даже если бы мы давно не спали. Понимаешь, куда я клоню?

– Понимаю, – отвечаю со вздохом. – Но твоя гипотеза не имеет доказательств, а у моей еще и его отец с фотографиями с совместного похода на УЗИ, – и тут у меня в голове что-то щелкает. – О нет, Маша, какая же я дура! Чуть сама не погубила ребенка! Я ведь еще в первый раз, после его чая, себя плохо почувствовала.

Мне становится еще хуже от осознания минувшей опасности. Воздуха не хватает, сердце колотится, а в висках стучит. Резко сажусь на кушетке, обмахиваясь руками.

– Ч-что такое, Мариночка? – Маша пугается моего наверняка бледного вида. – Давай выпьешь водички, и умоем тебя заодно, – она наливает немного в стакан и дает мне, а из бутылки мочит свою ладонь и протирает ею мое лицо и шею, – вот так, сейчас полегчает. Ты, главное, помни, нам волноваться нельзя, все что было, то прошло, и больше не придет.

– Не придет, – повторяю эхом, а потом трясую головой. – Да нет, Машуль, это как раз может прийти. Мне страшно, – хватаю ее за руку, – а вдруг отец Марка и сюда заявится, чтобы меня допоить.

– Давай ты продолжишь рассказ в хронологической последовательности, а потом мы вместе с тобой сделаем выводы, хорошо? – ласково произносит Маша, продолжая обтирать меня водой.

– Хорошо, – киваю.

Напряжение немного отпускает, дышать становится легче. И страхи нужно прорабатывать, это я знаю не понаслышке. Обличив ужас, сидящий в душе, в произнесенные вслух слова, становится немного легче.

Больше Маша меня не перебивает, хотя я вижу, что ей хочется вставить комментарии и задать уточняющие вопросы. Или поделиться собственными догадками, как в случае Марка с Жанной. Но она дает мне закончить, а потом очень странно реагирует.

– Где твой телефон? Дай мне его! Срочно! – требует она, смотря на меня дикими глазами.

– Вон он, на тумбочке, – произношу недоуменно. – Но что ты хочешь?

Вопрос повисает в воздухе. Маша хватается мой мобильник, выключает его, а потом зачем-то достает сим-карту.

– Эх, плохо, что в современных моделях не вытащить аккумулятор, слитным делают корпус сволочи, – она качает головой. – Но ничего, симку мы тебе сразу сможем уничтожить, – Маша роется в своей сумке. – Сейчас, они у меня были где-то, – не успеваю спросить кто или что, как она вытаскивает маникюрные ножницы и перерезает мою несчастную сим-карту пополам. – Ура!

– И зачем это? – смотрю на нее в шоке.

Одно хорошо, тревога отошла на задний план. Удивление на поведение всегда разумной Маши затмило все остальное.

- Новую тебе купим. Я завтра приобрету, причем на свое имя. Марк ведь не знает мою фамилию?

- Нет, - качаю головой, - зачем.

- Незачем, - отрезает она. - Телефон жалко разбивать, но проверить не помешало бы. Мужу отнесу, пусть займется! А тебе принесу кнопочный, я его мелким иногда даю поиграть.

- Маша, зачем все это? Я могла просто заблокировать номера всей семьи Марка.

- Ага, а местоположение твое все равно можно вычислить! Да и этот Владислав Германович может снова воспользоваться услугами одного из твоих одноклассников. Нет, милая моя, - Маша качает головой, - мы не можем так рисковать.

И тут у меня в голове складывается цельная картинка. Дима был подослан.

Со стоном откидываюсь назад на подушки. Как далеко простирается коварство этого ужасного человека? Своему сыну он тоже способен навредить или нет?

- Слушай, а если он и Марка того, -обеспокоенно спрашиваю Машу.

- Нет, здоровье сына он точно не трогал, - она качает головой.- А про все остальное не знаю. Боюсь, трудно будет разобрать, где правда, а где искусная постановка. Да и не удастся нам. Теперь я тебе точно не позволю контактировать с Марком или с кем-то еще. Твой парень, может, и не такой плохой, от своей версии с Жанной я не отказываюсь, но его отец натурально опасен.

Глава 6

На следующий день я остаюсь одна. У Маши есть муж и двое маленьких детей, она не может нянчиться со мной сутки напролет.

И, наверное, только сейчас я понимаю, как одинока, как мне не хватает кого-то родного рядом. Еще недавно таким человеком был Марк. Стремительно ворвавшийся в мою жизнь, он быстро завоевал мое сердце. Мне кажется, наши отношения практически сразу переросли в ранг серьезных, минуя остальные стадии. Единство душ, как при соединении двух половинок, вот что я ощущала рядом с ним.

Он старше меня, его жизненный цикл уже миновал стадию студенчества, и я не знаю, возможно, я в нем искала поддержку, как в старшем товарище. Хотя я справлялась неплохо без семьи, никогда не позволяла себе хандрить, все же с огромной радостью оперлась на подставленное мужское плечо.

Ага, так оперлась, что сегодня с трудом заставляю себя не забаррикадироваться в палате от всяких непрошенных гостей. За каждым звуком в коридоре мне кажется, что идут по мою душу. По мне можно писать пособие «Как из невозмутимой девушки превратиться в нервную истеричку всего за два дня».

Заставляю себя не акцентироваться на страхах, усиленно подключаю логику. А она приходит к тому, что отец Марка, конечно, может узнать, что я попала в больницу, но тут он скорее всего решит, что его план удался, и успокоится. Если не придет лично в регистратуру узнавать про мое здоровье. Или где там про него узнают?

В фильмах в подобных случаях сотрудники больницы сначала посылают любопытствующих, ссылаясь на то, что данные могут быть выданы только близким родственникам, да и то не всегда. Но потом главный герой включает обаяние или «дает на лапу», или проникает в отделение под видом врача. Тоже неплохой вариант, кстати. И все тайное становится явным.

Если следовать таким рассуждениям, можно и дальше сходить с ума. Но все же я склоняюсь к мысли, что мы с Машей переборщили в театральности. Она вчера с этой симкой и телефоном, который забрала у меня, а я сегодня с проработыванием различных сценариев. Ведь если даже Владислав Германович и заявится, я могу поднять шум. В больнице всегда кто-то ходит, не везде же у него все куплены.

И тут у меня перед глазами возникают картинки из фильмов. Ночь. В больнице все спят. Пустынный коридор...

И далее по сценарию.

Трясу головой, прогоняя навязчивые мысли. Встаю с кровати и подхожу к окну. Нужно отвлечься. Если откровенно, лежать мне ужасно надоело, с трудом представляю себе, как женщин заставляют постоянно лежать на сохранении, или как там это у них проходит. Я пока не в теме, только предстоит вникать в волшебный мир беременяшек.

Одной...

Грусть отдает в сердце тупой болью, но я ее игнорирую. Между поиском правды, справедливости и прочего и безопасностью маленькой горошинки внутри меня, я выбираю второе. Хотя не будь я беременной, скорее всего пошла бы разбираться с Марком и его семейством. Есть у меня такая черта, слишком все в лоб люблю делать. А пора бы быть гибче и хитрее.

Но это все неважно. В одном отцу Марка можно сказать спасибо, как бы это извращенно не звучало. У многих девушек перестройка психики в сторону материнства идет медленно, даже после родов не все сразу понимают возникшую ответственность, а я моментально ее осознала. Горошинка еще столь крохотная, что ее и на узи толком не рассмотреть, лишь с пятой недельки будет интереснее, как мне сказала врач, а она уже подвергается массирующим атакам извне.

Но я больше не позволю. Кладу руку на свой живот и понимаю, что моя мечта осуществилась, я не буду больше одна. Только девять месяцев нужно быть настороже.

Тут резко открывается дверь, а у меня душа чуть в пятки не уходит.

Глава 7

- Маша! Твою налево,- ругаюсь на подругу, - ты с порога кричи, что это ты. Врачи с медсестрами так и делают, сразу начинают говорить, что им надо.

-Прости, – говорит она виновато, – не подумала. Сама тебя вчера настращала, а теперь пугаю своим неожиданным появлением. Но у меня хорошие новости, твой телефон чист. Муж еще что-то там поставил или перепрошил, или еще что-то. В общем, я в этом не разбираюсь, но ему доверять можно. Держи, – она кладет мой смартфон на тумбочку, – сим-карту я приобрела, телефон свой вбила. А большего тебе не надо.

- Да, мамочка, – говорю, качая головой.

Номер Марка я наизусть знаю, но об этом предпочитаю не сообщать.

- Кстати, тебя обещают выписать в понедельник, – произносит Маша, едва не хлопая в ладоши.

- Шикарно. А почему не сегодня? Зачем держать меня на выходных? Насколько я знаю, здесь только дежурные врачи остаются. И я. Должна находиться в четырех стенах, – ворчу.

- Ничего, посидишь еще немного. Мне спокойнее, что ты под присмотром. На выходных нам надо будет еще к бабушке в село наведаться, а во вторник поедешь с нами домой.

- У Гены отпуск закончился? Так быстро? – спрашиваю, расстроившись. Неизвестно, когда Маша в следующий раз приедет. – Подожди, в смысле с вами поеду? Зачем? У меня тут...

Пытаюсь понять, что именно у меня тут, а не могу.

- Вот и я о том же. Ничего тут у тебя нет. И никого, – говорит она жестко. – Да, Гену резко вызвали, не дают человеку отдохнуть. А насчет тебя – диплом защитила, ты уже специалист с высшим образованием. Квартира через месяц тоже, считай, исчезнет, да и ходят там всякие, как на проходной двор наведываются. А я не могу здесь оставаться, присматривать. Значит, на правах старшей забираю тебя с собой. Побудешь моим третьим ребенком.

- Нет, Маш, я не могу, – отнекиваюсь, – у тебя Гена, детки. Куда я к вам? Я буду обузой. У меня даже денег толком нет. Расслабила меня жизнь с Марком.

И что я буду есть уже через пару недель – неизвестно. О бытовых вопросах я подзабыла, зато они обо мне помнят. Нещадно бьют пыльным мешком по голове, чтобы прекратила от каждой тени шарахаться и подумала о важном.

Но Маше я этого, конечно, не говорю. Мне и без того ужасно неловко, человек приехал отдыхать, а оказался втянутым в чужие проблемы.

– Марин, – она кривится, – хватит, а? Посидишь с Ванькой и Катей, няней побудешь. Гена обещал найти тебе работу до декрета, ничего шикарного не жди, конечно, но сможешь гордо слезть с нашей шеи. Гена в курсе, так что про мужа не начинай, он не аргумент.

– Но, – произношу ошарашенно, не зная, что еще сказать.

Мозг, конечно, настаивает на том, чтобы соглашалась, не раздумывая. Это действительно выход. Если бы у меня были средства, я бы сама уехала в другой город. В этом я не могу быть спокойна за свое здоровье. Но денег у меня нет, и в это все упирается.

До Марка я подрабатывала, делая курсовые студентам, а тут расслабилась.

– Мариш, зачем оно тебе? Не высыпаешься, свое не доделываешь. Лучше занимайся собой и своей учебой, а на жизнь я зарабатываю, – говорил он мне.

И я с удовольствием погрузилась только в свою учебу. Глупая.

– Никаких но! – Маша возвращает меня в настоящее строгим окриком. – Я тебя здесь не оставлю. Хочешь, чтобы мать семейства извелась в переживаниях о тебе?! Терзала местную полицию и больницы, названивая им, если ты вдруг трубку не возьмешь? А так и будет!

– Ох, Маша, – качаю головой, опуская глаза. Все же излишняя тяга к театральности ей присуща. – Уговорила! Но как только мне удастся найти что-то подходящее на съем, я съеду! И работать готова, кем угодно. И уборщицей пойду.

– Нет, уборщицей я тебя сама не пущу. Беременность из-за нервной обстановки уже пострадала, а мы ее еще физическим трудом добьем. Ладно, в общем, решено! Не знаю, успею ли к твоей выписке, но ты сразу иди домой! Ни с кем не заговаривай и никого не впускай! Вещи собирай. Все уяснила? – сыплет Маша инструкциями.

– Все, – киваю, и у меня на лице расплзается счастливая улыбка. – Спасибо.

– Ой, да ладно, – она машет рукой, – ты бы для меня тоже самое сделала. Правда, тебе придется сидеть пять часов между двумя автомобильными креслами для детей. Но ты худенькая, втиснешься. Но к концу пути рискуешь перестать меня благодарить. И насчет вещей, возможно, придется дополнительно заказывать грузоперевозку. Я оплачу ее, не стесняйся.

– Маш, у меня будет одна сумка. Успокойся. Это ж я. Откуда б взяться куче вещей?

– Да, ты права, – подруга хмурится, вспоминая причину, по которой я осталась одна. – Но не будем о грустном. Инструкции я тебе дала. Планы обсудили. А теперь мне снова нужно бежать.

Маша поспешно обнимает меня и уходит. Вскоре я наблюдаю за ней из окна, она быстро шагает на остановку. И снова во мне просыпается грусть, но теперь у меня есть надежда.

Глава 8

Как Маша и говорила, меня выписывают в понедельник. Никаких новых напутствий кроме как встать на учет и не делать глупости, я не получаю.

– Сказано, молодая, – хмыкает врач, – организм все переработал.

Я предпочитаю промолчать. Постороннему человеку не объяснить перипетии моих последних дней.

Выхожу на улицу и с удовольствием вдыхаю свежий воздух. В выходные я не покидала палату, хотя могла. Но подспудный страх сопровождал меня, не давая вздохнуть спокойно. Да что уж там, он и сейчас не дает дышать полной грудью. Мне кажется, когда я уеду, только тогда смогу немного расслабиться.

Неспешно бреду, минуя остановку. Не сказать, что больница близко до дома, но я осознанно хочу пройтись пешком, пусть даже это займет минут сорок. Маше я отчиталась о том, что выписалась. Больше никому сообщать о себе.

Лето нынче радует – щедро делится солнечными лучами, но не поджаривает до духоты. Эх, в нашей луже не искупаюсь, но да ладно. Может, и не стоит мне в теперешнем положении.

Незаметно дохожу до двора и окидываю его прощальным взглядом. Я быстро привязываюсь к месту, хотя мы с Марком жили здесь всего-ничего, я успела прикипеть. Прикипеть к этой старой лавочке, где любят сидеть старушки в свободное от сериалов время, к детской площадке, на которой кто-то постоянно катается на качелях, и к магазинчику за углом.

Вытираю набежавшую слезу и решительно поднимаюсь на свой этаж. Уже из-за ерунды нюни распускаю. Скучать по лавочке и магазину я буду! Бред.

Надеюсь, это все гормоны, а через девять, или сколько там осталось, месяцев мой мозг заработает в нормальном режиме. Хотя если не быть к себе слишком строгой, мне просто страшно переезжать. От того и к лавочкам прикипаю.

Резко взять и уйти в неизвестность – довольно рискованное мероприятие. Не сказать, что мне здесь есть что терять, но тем не менее в этом городе я ориентируюсь. И я имела планы на жизнь. А на новом месте ничего.

Но там Маша, и за это стоит зацепиться, как за единственный оставшийся в моей жизни якорь.

Вставляю ключ в дверь и поворачиваю в замке, и тут же не к месту вспоминаются фильмы, где герои открывали дверь, и с ними происходили нехорошие вещи. Трясу головой, прогоняя очередные глупости, и решительно тяну за ручку. Секунда... Другая... Большого бада-бума не происходит. Впрочем,

как и маленького.

Качаю, головой ругая собственное воображение, и быстро юркаю внутрь квартиры. Интересно, Марк уже забрал свои вещи?

Но беглый осмотр говорит о том, что никого не было. Видимо, ему совсем не до меня. Ну и ладно.

Быстро бросаю вещи в спортивную сумку, долго думая, забирать ли подаренные матерью Марка комплекты, в итоге все же запихиваю и их. Как раз под завязочку.

Остается посуда, две книги и фоторамки. Их всего две, но на обоих изображены мы с Марком. Беру одну и всматриваюсь в его лицо. Счастливый. И действительно как будто любит меня.

Еще один бред. Воскрешаю в памяти Жанну и отставляю от себя фотографию. Пусть останутся ему, сам решит, что с ними делать. Или она решит, если они вместе.

Очень хочется поверить в теорию Маши, что все может быть не столь однозначно, но... Каков смысл? Он поверил клевету. Легко поверил, не усомнился, не захотел со мной разговаривать. А я приду и скажу: «Привет. Я беременна, а твой отец почти наверняка хотел избавиться от своего внука. Ах да, еще я подслушала ваш с Жанной разговор, просвети, пожалуйста, как давно вы спали вместе».

Хватаю одну из рамок и швыряю ее в стену. Она разбивается, разлетаются осколки, но мне все равно. Пускай сам тут убирает, ему квартиру сдавать хозяйке, не мне. Я завтра брошу ключи в почтовый ящик и больше никогда не увижу это место, в котором столь многое причиняет боль.

- Дзинь! - в дверь коротко звонят.

Испуганно вздрагиваю. Я помню об обещании, данном Маше, никому не открывать и так далее, но надо ведь хотя бы посмотреть, кто там. Может, пора кричать с окна «караул», привлекая внимание прохожих.

На цыпочках крадусь к дверному глазку, а звонят уже второй раз, снова заставляя меня вздрогнуть.

- Ольга Ивановна? - спрашиваю вслух, поняв, что там соседка.

- Мариночка, у вас все нормально? Я слышала, как в стену что-то ударилось, - отвечает женщина.

Качаю головой, это ж надо было забыть про тонкие перегородки и швырнуть рамку именно в стену соседки.

- Да, все хорошо, не волнуйтесь, - произношу, по-прежнему не открывая.

- Ладно. А то тебя тут мужчина искал, отцом твоего мальчика представился. Говорил, повздорили вы, и он пришел вас мирить. Заботливый такой.

- М-мужчина? - мой затылок охватывает липкий ужас. - А что вы ответили?

- Да нечего было отвечать, я ведь не видела тебя. Я тогда только с дачи вернулась, пропустила, видать.

- Видать, - повторяю глухо. - Спасибо вам, Ольга Ивановна, я разберусь, - говорю и уже отхожу от двери.

- А что у вас случилось? Из-за чего разругались? И где ты была? - кричит соседка, но я не реагирую.

Пусть мучается. В следующий раз, бедная, побоится на дачу мчаться, решит, пропустит чего-то важное, и посадки ее зачехнут.

- Марин! Он еще и телефон оставил! - последняя фраза пригвозждает меня к месту. - Просил сообщить, как ты появишься. Даже коробку конфет пошел купил мне за хлопоты, представляешь?

Глава 9

- Представляю, - отвечаю глухо.

Сердце сразу беспокойно ускоряется, а я ругаю сама себя. Сейчас день, я предупреждена, никто мне ничего не сделает. Мне стоит научиться здраво оценивать возможную опасность, а не кидаться из одной крайности в другую.

- В общем, я набрала, но никто не ответил, - продолжает из-за двери соседка. - Ладно, ухожу, какая-то ты неприветливая сегодня.

Я всегда такая, но Ольге Ивановне не докажешь. Терпеть не могу старые дома именно из-за таких вот, псевдоучастливых соседей. Раньше приходилось улыбаться женщине и здороваться, обмениваясь ничего не значащими фразами, но сейчас мне это не к чему. Завтра я покину это место. Навсегда.

А потому не слушаю ворчания и удаляющиеся шаги соседки, ступаю на кухню. Я проголодалась, не помешало бы перекусить.

Стоп. Что она сказала? Позвонила, но трубку не взяли?

Вопреки моему твердому намерению держать себя в руках и не впадать в панику, именно в нее я и впадаю. Глубоко дышу, пытаюсь заставить свой мозг мыслить логически, а организм действовать разумно.

Желание позвонить Маше отметаю сразу. Можно сказать, усилием воли подавляю в зародыше. Она в семейной поездке изаслужила провести ее без моих проблем.

Больше звонить мне некому. Потому дальше подключаю логику.

Возможно, ничего не будет, ведь я не знаю, какой номер телефона отец Марка дал Ольге Ивановне. Если домашний или рабочий, там нет определителя, и он не узнает, что ему звонили. Но кто в наше время дает стационарный номер телефона для связи? Никто.

Идем дальше. Владислав Германович либо перезвонит, либо нет. Тут тоже могут быть вариации. Посмотрит на номер и не приедет, отвлекшись на свои дела, либо все же приедет. Понятия не имею, каков у него настрой. Но что-то мне подсказывает, что отец Марка, будучи человеком целеустремленным, все же захотел бы убедиться в том, что его действия сработали.

Здесь есть шанс сыграть в свою пользу. Записать наш разговор на телефон. Не факт, что он станет откровенничать, но может и расколоться, если вывести на эмоции. Но!

Как всегда, есть одно большое жирное но. Я должна быть максимально невозмутимой и уверенной в себе. А я морально и физически подавлена. Не время строить из себя крутую шпионку, тем более я и раньше ею не была. Нужно иметь в себе мужество спрятаться в раковине. Иногда проявление слабости помогает выиграть в сражении.

План рождается моментально. Переночую в какой-нибудь гостинице, главное, побыстрее выйти из дома от греха подальше. Вот только с деньгами у меня не очень, и если я сейчас еще и на гостиницу потрачусь... В хостел точно не пойду, мне нужно личное закрывающееся помещение, а не койко-место в общем блоке. Но как поступить с деньгами? Ведь я планировала экономить.

И тут мои глаза натываются на конверт, что так и лежит на кухонном столе, никем не тронутый. Хватаю его, не раздумывая. К черту гордость и прочие высокие идеалы. Сейчас не до них. Буду считать, что это моральная компенсация, которую мне все равно не выбить по справедливости. Я так и не заглядывала внутрь, но на гостиницу там точно хватит. А если Владислав Германович расщедрился, то и Машу не придется долго теснить.

С такими рассуждениями быстро кидаю оставшееся, что хотела с собой забрать, одеваюсь, надеваю рюкзак и вешаю сумку на плечо. Тяжеловато, но терпимо. Хотя в рекомендациях врача было не носить тяжести. Но у меня безвыходная ситуация, за один раз не сломаюсь.

Поворачиваю ключ и замираю. Секунда размышлений, и я поддаюсь внезапному порыву. Беру чистый лист и пишу на нем: «Я знаю, что вы сделали. Не стоит меня искать. Иначе информация станет достоянием общественности».

Перечитываю и удовлетворенно киваю самой себе. Коротко, с прямым намеком. Возможно, излишне самонадеянно и по-детски, но я не передумываю.

Вспоминается старый фильм ужасов с их фразой «Я знаю, что вы делали прошлым летом». Усмехаюсь на свое ребячество. Наверное, все же глупо, но решаю оставить лист на полу и выхожу из квартиры.

И кстати, после моего послания Владислав может решить, что у него точно все получилось. Вживую я почти наверняка проколюсь. Да и не к чему лишняя нервозность в моем положении.

Быстро спускаюсь по ступенькам, натягиваю кепку пониже и толкаю железную дверь подъезда. Спасибо этому дому, но мне пора в следующий. Ах да, забыла кинуть ключи в почтовый ящик. Резко разворачиваюсь и поднимаюсь по ступенькам.

Какой умник придумал разместить ящики повыше, очень не к месту в моем случае. Кидаю связку и на автомате заглядываю в окно, расположенное тут же сбоку. Во двор как раз заезжает большой черный внедорожник.

Вот черт. Такой же у отца Марка...

Глава 10

Мне бы бежать куда-то, но я стою, словно замороженная, смотрю, кто же выйдет из машины. А водитель, как назло, очень долго паркуется. Я уже теряю терпение, но тут выходит он.

Не Владислав Германович, и не Марк. Кто-то мне незнакомый. Ложная тревога. Можно выдохнуть и снова подумать о том, что моя паника преувеличена.

Тем не менее в квартиру не возвращаюсь, да и не смогла бы я уже. Ключи в почтовом ящике, а он закрыт. Только грубой силой открывать. Но в этом доме поставили на удивление крепкие дверцы и замки на почтовых ящиках, нахрапом,

как в большинстве, не открыть.

С такими мирными рассуждениями выхожу-таки на улицу и тут же щурюсь от яркого солнца. Долго простояла в полутемном подъезде, и глазам больно, даже кепка не спасает.

Осматриваюсь, а идти-то я не знаю куда. Гостиницу ведь не выбрала. И топаю в итоге в кофейню, что расположена в соседнем доме. У нее крайне неудачное место с точки зрения людской проходимости и маркетинга, зато очень выгодное на данный момент для меня. Изнутри виден наш двор, а кто сидит внутри невидно. Окна зеркальные. Красота.

Со спокойной душой беру себе две булки и латте и усаживаюсь за единственным столиком. Моя сумка занимает чуть ли не половину крохотного помещения, но я не думаю, что кому-то помешаю. Достая телефон и принимаюсь за поиски адекватного места для ночлега.

Собственно, такое находится довольно быстро. Оставляю бронь и откидываюсь на спинку. Спешить некуда, просто наслаждаюсь напитком и скудным обедом. И тут мое внимание привлекает новое оживление во дворе.

- Марк?! - произношу одними губами и чуть ли не прилипаю к стеклу.

Да, это он, подходит к нашему подъезду, но как будто неохотно. Запрокидывает голову, видимо, рассматривая окна нашей квартиры, а потом все же заходит внутрь.

Несмотря на обиду и злость, которые я должна испытывать по отношению к нему, мое сердце сжимается от тоски. Я ужасно соскучилась и больше всего на свете хотела бы, чтобы все произошедшее в последние дни оказалось глупым розыгрышем. Все, кроме маленькой жемчужинки в моем животе. Ее я бы ни за что не отменила.

Главное, чтобы мы с Марком снова были вдвоем против всего остального мира. Чтобы он был моей опорой и поддержкой, моим щитом, моим мужским плечом.

Слеза скатывается по моей щеке и попадает в стакан с латте. Слишком я плаксивая. Еще немного и в таком ключе рассуждений отправлюсь вслед за Марком в подъезд вызывать того на откровенный разговор.

Усмехаюсь и качаю головой. Нет. Я не буду влезать в разборки этой семьи, она мне не по зубам. Лучше уж они сами по себе, а я сама по себе.

Ой! Записка для Владислава Германовича лежит на полу, но увидит ее не он, а его сын. Интересно, что Марк подумает? Свяжет со своим отцом или...?

В любом случае, для меня безопаснее досидеть здесь, пока Марк не выйдет обратно из подъезда, и нужно заказать такси в соседний двор. Жаль, прямо к кофейне машина не подъедет, все же расположение у нее не очень, как я и рассуждала.

Всего лишь через несколько минут выбегает Марк с листком в руке и с бешеными глазами. Быстро он понял, что я ушла и вряд ли вернусь.

С мазохистским наслаждением наблюдаю за ним из окна. Вот он берет телефон, кому-то набирает, а там, судя по всему, нет ответа.

Уж не мне ли названивает?

Все может быть. Любопытно небось, что я за ересь написала из разряда «я знаю, как вы провели лето». Злитесь, что не дозвонился, но ничего, ему полезно. Раньше-то вряд ли обо мне вспоминал. Все ему время нужно было, чтобы осмыслить, осознать, остыть. Как будто я в чем-то виновата.

Козел.

Но какой же он все-таки красивый и по-прежнему любимый. Но козел.

Женская логика бесподобна, тут без комментариев, они излишне.

А Марк, тем временем, делает новый звонок, и этот, кажется, удачный. Хм, интересно, кому в этот раз звонит. По губам я читать не умею, да и сомневаюсь, что кто-то на самом деле умеет, если честно. Все же сложно это.

Разговор явно проходит на повышенных тонах. Марк активно жестикулирует, что-то доказывая невидимому собеседнику. А потом, буквально на миг, его глаза встречаются с моими...

Испуганно отшатываюсь от окна. От побега в сию же секунду меня спасает лишь здравый смысл, который еще теплится в моей гормональной головушке. Марк не может меня видеть, это лишь совпадение, он смотрит на свое зеркальное отражение.

И правда, Марк отворачивается и продолжает жестикулировать, и что-то активно вещать по телефону. А у меня пиликает мой смартфон. Такси приехало.

– Извините, но вы не позволите воспользоваться вашим черным ходом? – обращаюсь к баристе. – Сумка тяжелая, такси приехало в тот двор, а в этом человек, с которым мне не хотелось бы встречаться.

Молодой человек бросает взгляд в окно и понимающе усмехается.

– Конечно, проходите, – открывает для меня дверь за своей спиной.

– Огромное вам спасибо, – благодарно улыбаюсь и покидаю это место, не оглядываясь.

Что будет дальше с Марком – не моя забота. Мне есть, о ком беспокоиться.

Глава 11

Выхожу в соседний двор, спускаюсь по ступенькам, а моей машины еще нет. Вечная привычка таксистов сообщать, что они подъехали, когда на самом деле нет. И все бы ничего, я подожду, погода прекрасная, да только кто-то хватается меня за руку немного повыше локтя.

Молча рассматриваю чужую руку, а потом поднимаю глаза на человека, которому она принадлежит.

– Владислав Германович, – произношу на удивление спокойным тоном, внутри-то у меня бушует ураган из целого коктейля эмоций, – не могли бы вы отпустить меня.

Он с секунду смотрит, словно оценивает, а потом все же отпускает и делает шаг назад.

– Конечно, Мариночка, – он поднимает перед собой ладони. – Я лишь беспокоился, как бы ты не упала, сумка такая тяжелая, а несешь ее одна в твоём-то положении.

– В каком моем положении, Владислав Германович? – спрашиваю, не сводя глаз с лица мужчины.

Он снова медлит с ответом, изучает меня в ответ.

– В интересном, я полагаю, – отвечает отец Марка.

– Интересно вы полагаете.

Не знаю, сколько бы мы так стояли, да только таксист, наконец, заезжает-таки во двор.

– Девушка, вы заказывали машинку? – приветливо спрашивает парень, опуская стекло. – Здравствуйте, – говоритон Владиславу Германовичу, но тот лишь бросает презрительный взгляд на водителя.

– Да, я, – порываюсь пройти к автомобилю, но путь преграждает отец Марка. – Пропустите, – говорю ему твердо, – вы же не будете что-то делать на людях.

– А разве я что-то делал? – спрашивает, прищурившись.

– Вы знаете ответ, – произношу тихо. – Кстати, эффект был.

Он выгибает бровь и таки отходит в сторону.

- А ты уезжаешь, да? Покидаешь нас? - спрашивает с усмешкой.

- Не думаю, что меня здесь что-то держит, - говорю, подходя к машине.

Водитель открывает багажник, ставлю сумку и дрожащей рукой дергаю дверь.

- Тогда счастливого пути, - улыбается Владислав Германович.

Я ничего не отвечаю, залезаю внутрь и захлопываю дверь, а потом ее еще и блокирую. Водитель начинает сдавать назад, здесь не развернуться, а я лишь молюсь про себя, чтобы поскорее скрыться с глаз ненавистного мужчины, который, кажется, вот-вот прожжёт дыру в автомобиле.

И, кстати, выходит, не с ним прямо сейчас разговаривает Марк, а я-то думала. Но тут Владислав Германович достает из кармана мобильник и отвечает на него. И мрачнеет на глазах, и с яростью смотрит на меня.

А теперь, кажется, с ним.

- Пожалуйста, не могли бы вы побыстрее! - молю водителя.

Страх и паника липкими щупальцами завоевывают все мое естество.

- Да, да, мы уже, не волнуйтесь, - жизнерадостно восклицает парень, ему невдомек о моих внутренних демонах.

И тут у меня звонит телефон. Вздрагиваю. Черт бы побрал мобильники, они наше спасение и наше же проклятие.

Трясущимися руками вытаскиваю телефон из сумки и смотрю на дисплей. Маша. Хвала небесам!

- Алло, - отвечаю слабым голосом.

– Мариночка, здравствуй, мы приехали, я к тебе зайду? – весело щебечет подруга.

– Нет! – кричу так, что водитель дергает руль. – Простите, пожалуйста, – произношу виновато. – Не надо, Маш, я не дома, я ушла и больше не вернусь туда.

– Так, – в трубке наступает провисание, – и где же ты сейчас?

– В такси. Еду в гостиницу, – отвечаю послушно.

– С ума сошла! – теперь кричит подруга. – Дуй к нам, ненормальная. Я не собираюсь всю ночь тебя где-то караулить. И нам удобно, не делай мозги. Гена сам предлагал тебя сразу сюда, чтобы с утра пораньше выехать, не тратить время на заезд за тобой.

– Да, – радостно киваю, позабыв, что Маша меня не видит, – я еду.

Страху и панике приходится убирать обратно свои щупальца. Теперь остается лишь доехать. Прошу парня скорректировать адрес. Он, к счастью, не ругается, ведь я еще предлагаю сверху доплатить.

А я все еще напряжена, постоянно оглядываюсь назад, высматривая черный внедорожник Владислава Германовича. Вряд ли он пешком передвигался, наверное, просто оставил где-то за углом. И теперь мне кажется, что он обязательно должен за мной проследить.

Но мы заезжаем в Машин двор, я крайне медленно расплачиваюсь с водителем, озираясь по сторонам, но никакая другая машина не подъезжает. Наконец, набираюсь храбрости и чуть ли не бегом мчу к подъездной двери, забрав сумку из багажника. Секунда-другая, приезжает лифт.

«Еще немного», – твержу я себе, – «еще совсем немного».

Маша открывает дверь, и я с облегчением бросаюсь в ее объятия.

Спасена. Теперь со мной все будет хорошо. Плохую страницу книги я перевернула, дальше будет светлее и радостнее.

Глава 12

Наше время

Утро не задается с самого начала. Омлет пригорел, солонка упала, и соль из нее разлетелась по всему полу. Я не суеверная, но осадок остался. Вдобавок близнецы сломали полку в шкафу. А квартира у нас, между прочим, съемная.

- Света, Костя, идемте, пора в садик, - произношу устало.

- Да, мамочка.

- Конечно, мамочка.

Они всегда такие милые после того, как нашкодничают. А шкодничают они часто. Многие удивляются, как я справляюсь одна с двумя детьми. Они просто не знают, что с пятилетними гораздо легче, чем с грудными.

Передаю детей воспитательнице, а сама бегу на работу. Опоздания не миновать, а там и штраф могут выписать. Начальник у меня строгий.

В итоге буквально на последних секундах влетаю через турникет, на ходу прикладывая свой пропуск.

- Успела, - самодовольно говорю охраннику и уже в спокойном темпе подхожу к лифту.

С легкой паникой представляю, сколько меня ждет работы, но ничего не поделаешь. Нужно платить за квартиру и растить близнецов. Спасибо, Маша до

сих пор помогает нам, не бросает. Ее погодки старше моих на два и три года. И их одежда частенько достается нам по наследству.

С мечтательной улыбкой на губах думаю об единственном близком человеке кроме детей и не замечаю, как врезаюсь в спину...

– Глеб Викторович, доброе утро, – здороваюсь с начальником.

– Марина, сколько можно опаздывать? Не у вас одной дети, но остальные сотрудники на своих местах.

Обвожу взглядом наш опен-эйр. Так и есть, я самая последняя, только и дети у остальных, в основном, подростки, которые сами добираются, куда им надо. Но свои рассуждения я оставляю при себе.

– Извиняюсь, Глеб Викторович, – киваю, – позвольте приступить к работе?

Он лишь закатывает глаза и уходит.

Копирую его мимику и дохожу – таки до своего стола. Так и есть, он весь завален бумагами, которые мне предстоит сортировать, отправлять дальше, бегать за подписью и так далее.

Обязанности у меня прямо скажем малоинтеллектуальные. Но платят здесь очень хорошо, потому и держусь.

Беременную выпускницу никуда не хотели брать, снова Маша с Геной похлопотали и устроили меня сюда. Я была ужасно счастлива. Ведь даже декретные получила в итоге. Мизер, конечно, но все же.

И теперь бы двигаться дальше по карьерной лестнице, но никому я не нужна. Образование хорошее, а опыт совсем нехороший.

– Марина, зайдите ко мне, пожалуйста, – раздается по селектору.

Вздрагиваю. Снова Глеб Викторович. И что ему понадобилось?

Но начальство злить ни к чему, оно само найдет повод. И я тороплюсь в кабинет.

- Вызывали? – захожу и скромно топчусь возле двери.

- Да. Присядьте, пожалуйста, – Глеб Викторович показывает рукой на стул.

На другом сидит молоденькая девушка, вчерашняя студентка, должно быть, а рядом с начальником стоит Дарья Васильевна из отдела кадров.

- Что-то случилось? – компания настораживает.

- Нет, Марина, просто вам придется уволиться, – выдает Глеб Викторович без лишних предисловий, а потом быстро добавляет. – Две недели можете не отрабатывать, закончите сегодня же. Дарья Васильевна позаботится, и вам выплатят двойные отпускные в качестве компенсации, так сказать.

Сижу, как громом пораженная. Мне за квартиру платить через три дня, у близнецов обуви на весну совсем нет, да и из курток они выросли. А тут – увольнение.

- С чего такое решение? – спрашиваю, едва сдерживаясь, чтобы не кричать.

- Вам тесно на этом месте, я же вижу, нужно что-то новое, расти. Мы приняли вас, когда у вас были трудности, долг Геннадию Петровичу уплачен. Больше пяти лет исправно с вами сотрудничаем, в декрете не бросили, на полставки оформляли, когда вы дома должны были по закону сидеть. Я считаю, хватит. Мне нужно племянницу устраивать, – Глеб Викторович бросает мимолетный взгляд в сторону девушки, занимающей второй стул. – Она только с института, ваша должность – самое то для нее. А вам расти, Марина, надо, расти. Считайте, мы делаем вам еще одно одолжение.

Я бы могла много чего сказать. Я бы могла вспомнить все мои права, которые они нарушают. Я бы могла пообещать им судебные разбирательства и всяческие кары. Но вместо этого...

- Хорошо, я вас услышала, – произношу, понурив голову, и выхожу из кабинета.

Прошлая я обязательно расшумелась бы. Тяга к справедливости раньше была сильна во мне. Но с беременностью я повзрослела и поняла, что справедливость у каждого своя.

Да и по-прежнему где-то в глубине меня прячется оптимист, который не устает уверять, что все, что ни случается, к лучшему. И я ему верю. А как иначе?

По крайней мере, Глеб Викторович прямо сказал, операцию по увольнению быстро провел. Не выживал, организовывая нервную обстановку.

Возвращаюсь домой раньше обычного и застаю в квартире хозяйку. Она методично осматривает наши вещи.

- Гхм, что-то потеряли? - спрашиваю, справляясь с потерей речи от удивления.

- Мариночка! - женщина чуть ли не подпрыгивает. - Не ожидала увидеть тебя, только три часа.

- С работы отпустили, - поясняю флегматично. - Вы объяснитесь?

Она с секунду мнетя, а потом заговаривает.

- Хм, что ж, так даже лучше. Тебе придется съехать. Я на вас мало зарабатываю, гораздо выгоднее пустить сюда студентов и брать с каждого почти, как с тебя одной. Заработок вырастет в полтора-два раза в итоге.

Глава 13

Стою, смотрю на женщину в немом шоке.

- Вы это сейчас серьезно? - спрашиваю, наклоняя голову вбок.

– Абсолютно, – отвечает хозяйка, подбоченившись. – Имею право! – добавляет она, высоко задрвав подбородок.

– Позвольте напомнить, – начинаю обманчиво спокойным голосом, – у нас с вами договор, который мы продлили всего два месяца назад. Знаете, что это значит?

– Ха, – она машет рукой, – договор ведь больше бумажка.

– Нет, Инесса Леонидовна, договор – это не просто бумажка, – качаю головой, – это документ!

Буквально рявкаю последнее слово. Противная женщина испуганно подпрыгивает. Она впервые видит меня в подобном настроении, но довели, честное слово.

Сначала на работе «обрадовали», теперь эта явилась, не запылилась. Нашли девочку для битья, благодетели чертовы. Выпрямляюсь теперь я.

– Э, Марина? – Инесса вопросительно выгибает бровь. – У тебя все нормально?

– Какая разница, вас ведь это на самом деле не волнует, – вздыхаю. – В общем так поступим. Мы съезжаем, но не раньше последнего оплаченного дня.

– Конечно-конечно, я все понимаю, – суетливо перебивает меня хозяйка квартиры.

– Я не договорила, – повышаю голос.

Мымра в своем праве нас выселить, держаться за место смысла нет. Но кое-что я могу с нее требовать.

– Да-да, Мариночка, слушаю, – кивает участливо Инесса.

На миг я даже проникаюсь ее положением. У нее на шее вечно безработный великовозрастный сын. А дочка недавно развелась и осталась с двумя мальчишками.

Аргх. Порой хочется надавать себе по щекам. До меня ей дела нет. У меня двое пятилеток, которые сами о себе не позаботятся при всем желании. А у нее взрослые отпрыски, давно должны помогать матери, а не наоборот.

– Вы полностью возвращаете мне залог, – чеканю каждое слово. – На этом все. И попрошу, пока мы здесь, не врываться в квартиру в наше отсутствие. Я, может, по-вашему бесправная квартирантка, но заявить о пропаже чего-либо и я могу.

Инесса Леонидовна меняется на глазах. Ее лицо покрывается красными пятнами, а сама она судорожно хватается ртом воздух.

Н-да, кажется, переборщила. Но уже ничего не поделаешь.

Правда, она и меня может в чем-то обвинить.

Ой, так вообще только в раковине всю жизнь и сидеть, бояться рот открывать.

– Это оскорбительно, девочка, – она поджигает губы. – Кто тебя так воспитывал?!

– Их уже нет, – обрываю жестко. – Но я по крайней мере не сижу ни на чьей шее, работаю и сама содержу, и воспитываю детей. И даже без алиментов!

– А это ты зря, – внезапно спокойно произносит Инесса, – алименты – вещь хорошая. Вечно мы так, – она проходит и присаживается на пуфик, – гордых из себя корчим, все сами и сами. А эти разгильдяи живут себе припеваючи. Нет, девочка, на алименты подай, мой тебе совет. Не повторяй мои ошибки. А насчет залога – договорились. Со студентов двойную сумму сдеру, их родители похлопочут ради комфорта ненаглядных чад, – Инесса снова поднимается на ноги. – Пойду я. За малышней тебе, наверное, скоро пора. А потом собирайтесь спокойно, не потревожу.

И она уходит, а я даже не прощаюсь от изумления.

С реакцией у меня сегодня откровенно плохо.

Ладно. Часть денег в бюджете я себе требовала. Неплохо, но проблему не решает. Сажусь теперь я на пуфик и прячу лицо в ладонях, позволяя себе на несколько минут побыть слабой и выплеснуть обиду, пока никто не видит.

Глава 14

На следующий день отвожу детей в сад, чтобы самой приняться за работу. Давненько у меня не было стресса под названием переезд. Фактически, в новом городе вообще не было. Как я въехала в эту квартиру беременная, так и жила в ней до нынешнего времени.

– Мамочка, как так? Где мы будем жить? И садик как же? – спросила меня Света, когда я рассказала детям новости.

– Да, и как твоя работа? Тебе ведь удобно именно здесь нас туда-сюда водить, – добавил Костя.

С моими умными рассудительными детьми пришлось сразу признаться в том, что мама теперь и безработная вдобавок. Я-то собиралась малодушно промолчать, найти что-то новое сначала.

– А у мамы больше нет работы, детки, – сказала я тогда с вымученной улыбкой. – Но вы не переживайте, мне хорошо заплатили, на первое время хватит.

Мои кнопочки, к счастью, промолчали. Но в их глазах читалось слишком уж взрослое понимание.

Осматриваю фронт работы, выныривая из своих мыслей, и пребываю в тихом шоке. Вещей у нас скопилось за прошедшее время даже слишком много. И что мне со всем этим богатством делать?

Вспоминаю, как въезжала в квартиру с одной спортивной сумкой и моим несменяемым портфелем. Вот было время, а! Правда, я довольно быстро обросла кучей вещей и даже мебелью.

Маша с Геной подарили детские кроватки, хотя я отнекивалась до последнего. И так прибилась к их семье, как бедная родственница, но они все же одарили близнецов всем необходимым.

– Маша, да не надо, я собиралась взять деньги Владислава Германовича на обустройство, – сопротивлялась я тогда.

– Нет, – покачала головой подруга, – те деньги ты уже тратишь на съём квартиры, хотя мы тебя не прогоняли. Если там еще осталось, лучше побереги на непредвиденные расходы.

Приберегла. Возможно, придется снова воспользоваться.

Присаживаюсь отдохнуть и открываю сайт с объявлениями. Это, конечно, тот еще квест, найти постоянное жилье за три дня. А, нет, за два. Надо ведь еще успеть перевезти вещи.

Со стоном откидываюсь на спинку дивана. Мои дети растут в этом районе, они не знают никакого больше дома, и теперь мы должны куда-то деваться. А в нашем районе ничего подходящего прямо сейчас не сдается, придется ездить в садик. И где будет моя новая работа – вообще непонятно.

Ааа! Как все не вовремя.

Продолжаю себя жалеть, но тут у меня звонит телефон, отвечаю не глядя.

– Мариночка, здравствуй, как вы там? Давно не созванивались.

Это Маша. А я не говорила Маше про увольнение и Инессу.

– Машуня, привет, – натягиваю на лицо улыбку, – да у нас все, как обычно, близнецы в саду, а я вся в делах, – и ведь даже не лгу. – Ты лучше расскажи, как ты? Животик, поди, уже совсем большой? – перевожу тему.

– Растет, да. Мне кажется, у меня первые две беременности живот был меньше, чем сейчас. На узи постоянно спрашиваю, точно ли там не двойня, – отвечает

подруга. – Ты на работе? Что-то слишком тихо.

– Так я отошла в уборную, – ляпаю первую попавшуюся оговорку, – в общем кабинете нормально не поговорить.

– Да-да, действительно, – отвечает Маша, – только ты мне зубы не заговаривай, я знаю, что тебя вчера уволили. Твой начальник потрудился лично известить Гену, чтобы не было обид. Почему не сказала?

– Почему, почему, да потому. Не хотела тебя грузить. Беременным волноваться вредно, – говорю погрустневшим голосом. – Да и сколько можно, ты постоянно мне сопли утираешь. Должна же я сама решать свои проблемы.

Жизнерадостность можно больше не проявлять.

– И решаешь. Близнецам пять лет уже, ты за это время ни разу не садила нас с Геней на шею, – произносит подруга с улыбкой. – Ну правда, Мариш, все ж нормально. Я не собиралась тебя тут же устраивать на другую работу, ты не думай. У меня и вариантов-то нет. Я тебя хотела пригласить к нам погостить. Вдруг тебе понравится другой город и останешься тут. Что тебя в конце концов держит? А я скучаю.

Примерно год как Гена по работе отправился развивать филиал фирмы и перевез с собой все свое семейство. А я с Костей и Светой осталась здесь. Между мной и Машей теперь какая-то сотня километров, но ты попробуй ее преодолей, когда будние вопросы никогда не заканчиваются.

– Я тоже скучаю, – тяжело вздыхаю. – И дети соскучились по твоим. И квартиру я все равно не могу тут найти. А поедем-как мы действительно к вам! Говорят, уровень образования у вас лучше, чем здесь. Пора мне об этом задуматься.

– Отлично! – радуется Маша. – Стоп. В смысле квартиру не можешь найти? Инесса вас выгоняет?

– Да какая уже разница, Машунь. Ты лучше жди гостей. Еще ты выгонять нас будешь, когда надоедим, – говорю воодушевленно и отключаюсь.

Вечно я откуда-то сбегаю, но в этот раз, к счастью, без липкого страха преследования.

Глава 15

Новость о поездке Маше мои кнопки воспринимают с воодушевлением.

- Это что же, и садика не будет? - застав дыхание, уточняет Света.

- И ужасной каши с комочками вместе с криками Оксаны Петровны? - вторит ей Костя.

- У нас будут настоящие каникулы с Леной и Пашей?

Для моих детей Машины ребята кто-то вроде близких родственников, впрочем, как и Маша с Геной.

- На все вопросы ответ положительный, - произношу с улыбкой.

- Ура!!! - кричат они синхронно.

А я просто стою и наполняюсь счастьем от искренней радости детей.

Наступает день икс, и я критично осматриваю теперь уже точно не нашу квартиру. Часть мебели и вещей удалось удачно продать через сайт. Из детских кроватей мои кнопки давно выросли, но у меня все никак не доходили руки до разхламления квартиры. Впрочем, как и до того, чтобы отдать их маленькие вещи.

С легкой ностальгией и теплотой внутри я рассматривала крохотные ползуночки и распашонки вместе с яркими смешными комбинезончиками с заячьими ушками на капюшонах, пока разгребала верхние полки шкафов. Сейчас уже не верилось, что Света с Костиком могли вместиться в эти вещи, однако ж так и было.

Если честно, скрепя сердцем, собирала их маленькие вещи, так не хотелось их отдавать кому-то. Как будто что-то от сердца отнимала. Но все это, конечно, глупости. Незачем цепляться за прошлое. У нас все хорошо в настоящем. Да и два дополнительных объемных пакета с собой тащить – то еще удовольствие. Мой здравый смысл припомнил бы мне все, когда мы с детьми сели бы в электричку.

И в итоге, оставив несколько наиболее памятных вещичек, я все же отдала остальные вместе с детскими прибабасами и игрушками. Тому, кому нужнее. Девушка, которая пришла за ними, светилась искренней радостью, рассматривая одежду.

– Вещи изначально очень хорошего качества, потому до сих пор прилично выглядят, как вы видите, – заметила я тогда, немного смущаясь.

Девушка ответила не сразу, все любовно перебирала одежду пальчиками.

– Спасибо, – наконец она подняла на меня глаза, полные счастья, – вы даже не представляете, как спасли нас с детьми. Их отец от нас отвернулся, все родственники, и его, и мои, тоже. Я думала, они придут хотя бы на выписку, но, – она сделала паузу сглатывая, – нет. Мы уже неделю, как дома, а для остальных словно не существуем. Упросила соседку присмотреть за моими ребятками, пока к вам схожу. Сколько с меня?

Ее откровение неприятно резануло по мне, задев что-то давно спрятанное в душе под семью печатями. Нечто запретное и слишком ненужное для собственного равновесия.

– Ничего не надо, – ответила ей металлическим голосом, – просто забирайте.

– Но как же? Так нельзя. Вы ведь тоже одна, – растерянно пролепетала девица.

Одна...

Как же больно мне сделало это крохотное слово. Одновременно с ним в сердце направились целая куча игл, которые с особым рвением моментально впились в броню, которую я выстроила собственноручно еще пять лет назад, а теперь

какая-то случайная девушка так легко ее разрушала.

–С чего вы взяли? – одарила я ее презрительным взглядом. – Я не одна! – вздернула подбородок, произнося сердито. – У меня есть мои кровиночки. И вам советую не забывать об этом.

Взяла пакеты и сунула их девушке, и буквально вытолкнула ее за дверь.

Потом очень хотелось поплакать, чисто по-женски порыдать, некрасиво размазывая слезы по щекам, подвывая в тон всхлипам. А еще обнять себя и пожалеть.

Я лишь обняла себя. Подошла к открытому окну, вдохнула свежий воздух и попыталась снова восстановить свою броню.

Но все это было вчера. А сегодня у нас Инесса и вокзал.

– Мариночка, привет, – легка на помине, сама хозяйка заходит в квартиру, открывая собственными ключами. Перед глазами встает сцена, как я ее здесь застала без нас. А ведь это мог быть далеко не единственный раз. Трясу головой. Это уже в прошлом. Нас ждет, к счастью, иное будущее. – Собрались, котятки?

Она смотрит на моих детей с притворной лаской, а меня передергивает. Я верю в сглаз, и чисто интуитивно делаю шаг вперед, закрывая собой Свету и Костика.

– Да, все хорошо. Принимайте квартиру, и мы пойдем, – произношу прохладно.

Глава 16

Я подспудно ожидаю какого-то подвоха от Инессы. Не знаю, почему. Наверное, потому что она нас пять лет не беспокоила, а тут вскрылись ее тайные блуждания в квартиру без спроса. В общем, теперь я не могу положительно

относиться к ней.

– Ладно, Мариночка, вроде все хорошо, – произносит женщина после тщательного осмотра каждого угла. К счастью, я пригласила ее с большим запасом по времени до нашей электрички. – Но если что, я позвоню.

– Не стоит, – обрываю резко. – Мы уезжаем в другой город. И вы лучше акт подпишите о приемке квартиры, – показываю глазами на два листка, лежащие на тумбочке. – Обменяемся бумагой о том, что не имеем претензий друг к другу.

Инесса на миг меняется в лице, но все же берет ручку и начинает читать.

– О, тут еще и про залог, – говорит она удивленно.

– Конечно. – соглашаюсь. – Мало ли, забудете о нашей договоренности, решите, что зря возвращаете его мне.

– Ладно, будь по-твоему, – скрипя зубами, отвечает Инесса и ставит-таки подпись. – Держи.

– Спасибо, – забираю свой экземпляр, ослепительно улыбаясь, – а это вам, – кладу на тумбочку свой комплект ключей. – Идемте, дети, нам пора.

Такси быстро мчит нас по полупустому городу. Воскресенье, люди предпочитают отдыхать, а не разъезжать по улицам.

Помимо воли вспоминаю, как похожее такси везло меня к Маше, чтобы сбежать, как колотилось мое сердце от страха при виде Владислава Германовича. И вздрагиваю.

И вот мы уже на месте. Слишком рано, к сожалению. Но ничего не поделаешь.

– Костя, Света, не теряемся! Я вас очень прошу. Я не могу с двумя чемоданами еще и за вами бегать.

– Да, мама, – говорят они, синхронно понутив голову.

Небось уже хотели вытворить что-нибудь эдакое, да совесть теперь не позволит. Я надеюсь.

– Давайте я лучше куплю вам мороженое, – тереблю их по голове, подходя к киоску, и тут мое боковое зрение выхватывает мужчину.

Он стоит вдалеке в элегантном темно-сером пиджаке, а на его плечи небрежно накинут черный шелковый шарф. Он довольно далеко от нас, но я в состоянии оценить стоимость его одежды. Жизнь под одной крышей с родителями Марка научила меня безошибочно определять такие вещи.

Перевожу взгляд выше, на голову мужчины. Аккуратная прическа, а волосы уже тронуты сединой. Но смотрится это совсем не ужасно, скорее наоборот. Совсем как у...

В висках начинает стучать, а из легких кто-то резко выкачивает весь воздух. Слишком чужой персонаж для обычного вокзала, слишком похожий на... Владислава Германовича.

– Девушка, что вам, говорю? – из ступора меня выводит продавщица. – Плохо тебе, что ль? Душно у нас тут, народа тьма. Сейчас я тебе водички холодненькой продам.

Она сует в мои и без того ледяные от безотчетного страха пальцы такую же по температуре бутылку. Это прикосновение неожиданно отрезвляет.

– С-спасибо, – произношу вмиг охрипшим голосом. – Еще два мороженого в стаканчике, пожалуйста.

Оборачиваюсь в сторону незнакомца, пока продавщица достает нужное, а его и след простыл. Испытываю одновременно и облегчение, и еще большее волнение по этому поводу.

Если мне всего лишь показалось, ведь я только сегодня мельком вспоминала свой прежний переезд, то ладно. Но если это был и вправду отец Марка, то лучше бы точно знать его местонахождение, дабы ни в коем случае не пересечься.

– Мамуль, ты чего? – спрашивают дети, поедая мороженое на скамейке. –
Зависла чего-то. Ты б себе тоже сладенького купила, настроение поднимает.

– Спасибо, мне и так хорошо, – через силу улыбаюсь им, делая глоток воды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/geybatova_mila/dvoe-iz-larca-dlya-byvshego

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)